
Владимир СОФИЕНКО

РАССКАЗЫ

ПОЗЫВНОЙ «АМЕРИКА»

Всплеск. Круг на воде ширился, нарушая хрупкость отраженной реальности. Следом за ним — второй, третий... Белый войлок кучевых облаков, проплывавших в небесной синеве, вдруг исказился, изогнулось и небо, закачалось, как лодочка на волне. Пролетев еще немного, плоский камушек опять оттолкнулся от поверхности реки, совершил очередной прыжок и, будто споткнувшись, пошел ко дну. Встревоженная стрекоза, сверкнув крылышками, сорвалась со стебля осоки и умчалась прочь.

Этим мартовским утром, еще не вобравшим в себя тепло щедрого южного солнца, на улице было особенно свежо, пахло молодой листвой; в прозрачном воздухе, ожившем жужжанием мух и пчел, витала безотчетная хмельная радость пробудившейся ото сна земли.

— Деда, ты видел? Мой камень три прыжка сделал! А ты так умеешь?

Мальчуган лет семи забежал на веранду, где в кресле-качалке сидел старик, укрытый клетчатым пледом. Мальчик опустился на корточки и ткнулся лицом в колени деда, чем спугнул большого шмеля, танцующего над красным шерстяным квадратом. Жужжа, шмель барражировал еще некоторое время над клетчатым полотном, потом улетел. Проводив задумчивым взглядом шмеля, старик посмотрел на мальчугана: морщинистое лицо его посветлело, и сам он, казалось, стал моложе.

— Нет, Егорка, я не могу так, как ты, — улыбнулся дед. Он опустил на рыжую макушку сухонькую, без мизинца ладонь, ласково потрепал непослушные вихры правнука. — Раньше мог, а теперь уже силы не те.

— Раньше — это когда был на войне? — Егорка пытливо уставился на прадеда: тот нахмурился, бескровное лицо вытянулось.

Мальчик любил слушать дедовы рассказы о войне. Из них он знал, что у каждого ополченца был свой позывной. С прадедом плечом к плечу сражались его друзья со странными и даже немного смешными прозвищами. Были среди героев тех историй и «Чапай», и «Ташкент», и «Веселый». Все они погибли на братоубийственной войне. Вот только прадед не признавался, какой позывной был у него самого, — вечно откладывал до другого раза.

Сейчас, затаив дыхание, правнук ждал очередную историю.

— Помнишь, ты обещал рассказать, как попал под бомбу, — подсказал Егорка, поглядывая на увечную руку старика.

Владимир Геннадьевич Софиенко родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан). Окончил Карельскую государственную педагогическую академию (социальный психолог). Прозаик, автор книг «Ожидание в 2000 лет» (Петрозаводск, 2008), «Под солнцем цвета киновари» («Северное сияние», 2012), «Смотритель реки» («Версо», 2015). Дипломант литературной премии «Золотой витязь». Публиковался в журналах «Север», «Нижний Новгород», «Петровский мост», «Снегири», «Балтика», «Полдень XXI век» и др. Рассказы переведены на финский, армянский, японский языки. Живет в деревне Корза (Карелия).

Втайне мальчик надеялся, что сегодня прадедушка раскроет свой позывной. Он давно для себя решил: когда вырастет, станет военным, как все мужчины в их большой семье, и непременно возьмет для себя этот позывной.

— Егорка, оставь прадедушку в покое! Сегодня у него трудный и ответственный день! — Из дома на веранду вышла пожилая женщина в белом брючном костюме.

Правильные черты лица ее еще хранили былую красоту, собранные на затылке волосы были аккуратно уложены. Несмотря на строгость костюма, она выглядела празднично: жакет украшали бант из георгиевской ленты и маленький бутон розы.

— Сегодня прадедушку с Днем освобождения будет поздравлять президент! — сказала женщина, подходя к креслу-качалке.

От изумления и восторга у мальчугана расширились глаза. Он шмыгнул носом.

— Неужели сам президент?! Он что, сюда приедет, к нам?! Да, бабушка?

— Нет, к нам не приедет, — улыбнулась она. — Жителей города Миллиона Роз он поздравит по национальной сети. Но первой поздравлю нашего героя я. С праздником тебя, папа! — склонившись к старику, женщина обняла его за шею и поцеловала в щеку.

— Ура! — радостно крикнул Егорка.

Он сбегал со ступенек веранды к речке, схватил увесистый камень и далеко закинул его в воду. Камень громко булькнул, пустил сердитые круги по воде.

— Спасибо, доченька... Спасибо, Лизонька, — отец благодарно коснулся ее руки.

— Я так рада, что тебе стало лучше, — сказала она. — К празднику нагладила твой парадный китель. А еще, пока ты болел, из военкомата передали медаль. Вот гляди, на ней изображен аэропорт.

Лиза вложила в ладонь отца красную велюровую коробочку. Внутри была серебряная медаль. На лицевой стороне ее, в верхней части круга, — государственная символика, в центре — очертания руин терминала, диспетчерской вышки и надпись: «Шестьдесят лет со Дня освобождения».

Напрягая глаза, старик внимательно разглядывал детали изображения. Да, все именно так, как запомнилось ему.

...Мины сыпались на двор монастыря одна за другой. На брусчатке после взрывов оставались круги, похожие на те, что расходятся по водной глади, стоит запустить в нее камешком.

— Монастырь, прием! Ответь «девятке»! Монастырь, прием! — шипя, требовала рация.

На полу под крупными кусками штукатурки неподвижно лежал ополченец. Где-то совсем рядом за стеной раздался оглушительный взрыв. Стены трехэтажного здания вздрогнули. С потолка снова посыпалась штукатурка. Солдат застонал, пошевелился. Еще один снаряд попал в здание, заскрипели балки перекрытия, заскрежетали оголенной арматурой. Где-то с грохотом обрушилась то ли стена, а может, лестничный пролет. Сознание вернулось к раненому. Рука его легла на нагрудный карман, повозившись, он все же вытащил рацию. Непослушные пальцы на ощупь искали кнопку, чтобы ответить. Каждое движение давалось человеку с большим трудом. Казалось, боль заполнила все тело. Рация настойчиво вызывала монастырь: требовала, кричала, ругалась. Наконец пальцы справились: раздался характерный слабый щелчок.

— «Девятка», прием! «Америка» на связи!

Собственный голос, непривычно хриплый, надломленный, показался раненому чужим, будто кто-то другой назвал его позывным. Прикусив губу, чтобы не застонать от боли, ополченец сумел приподняться на руках, затем, чуть двинувшись, привалился спиной к кирпичной кладке стены. Огляделся: он находился в длинном коридоре. Сильно пахло гарью, нос и рот забила едкая пыль. Теперь в положении сидя боль

сосредоточилась где-то слева, захватив весь бок и руку. В памяти всплыло то, что случилось до ранения.

Отряд, в котором служил Сергей Березин, он же «Америка», входил в тактическую группу «Суть времени» и нес боевое дежурство в полуразрушенном монастыре, недалеко от нового терминала аэропорта. «Суть времени» удерживала сам монастырь и поселок Веселое. После интенсивных боев и перехода аэропорта под полный контроль ополченцев наступило перемирие. По крайней мере, так они считали, ведь на перемирие согласилась вражеская сторона, был объявлен день тишины. Многим ополченцам тогда удалось на короткое время вернуться в город Миллиона Роз, навестить свои семьи. На передовой остались нести боевое дежурство лишь небольшие отряды. Именно в тот день противник открыл ураганный огонь по позициям ополченцев, двинули вражеская бронетехника, пехота. А на пути у них стоял женский монастырь, келья настоятельницы — «двойка» — и трехэтажный монашеский корпус — «трешка». Здесь отряд из девяти ополченцев и принял бой. Когда от обрушенной башни, кем-то метко прозванной «пеньком», выдвинулась вражеская бронетехника, командир отряда приказал рассредоточиться по корпусу. На втором этаже «Америку» оглушило, и он потерял сознание.

— «Америка», докладывай обстановку, прием! — облегченно вздохнув, приказала рация.

— У нас перемирие! — ухмыльнулся «Америка». — Удерживаем «трешку».

Краем глаза он заметил тень: в проеме появилась неясная фигура. Враг?! Отложив рацию, не сводя глаз с силуэта, ополченец нащупал возле себя СВД¹, резким движением закинул винтовку на ноги, клацнул затвором.

— Спокойно, Серый, это я — Андрей. У меня рация накрылась. Осколками посеколо, чудом жив остался. Ты как? — Под берцами «Ташкента» хрустел битый кирпич, шоркалась и ломалась обвалившаяся штукатурка.

Березин молча протянул рацию командиру отряда. Тот, окинув Сергея взглядом, присел рядом.

Рация шуршала динамиком. На той стороне снова требовали доложить обстановку.

— Я «Ташкент»! — наконец командир ответил. — Докладываю! От «пенька» идут два танка и два БМП². Нас утюжат «градами»³ и сто двадцатыми. Два «гнома»⁴ накрылись, «утес»⁵ разбит прямым попаданием. Осталось легкое стрелковое вооружение и «мухи»⁶. Потерь в личном составе нет. Ждем подкрепление. Поддержите огнем. «Девятка», прием!

— Поддержать огнем не можем! Не дайте танкам прорваться в город, держите «трешку»! Вышлем подкрепление при первой возможности, прием!

— Есть держать «трешку»! — Прервав вызов, «Ташкент» на правах командира сунул рацию к себе в карман.

— Слыхал, брат? Надо держать «трешку», а ты развалился тут! — он подмигнул, на черном от копоти лице сверкнула белозубая улыбка. «Ташкент» поднял с пола каску и нахлобучил «Америке» на голову. — Сильно тебя? — командир кивнул на окровавленную руку Березина.

¹ СВД — снайперская винтовка Драгунова.

² БМП — боевая машина пехоты.

³ «Град» — реактивная система залпового огня (РСЗО).

⁴ «Гном» — ручной револьверный гранатомет.

⁵ «Утес» — крупнокалиберный пулемет.

⁶ «Муха» — реактивная противотанковая граната.

— Чем это меня так шарахнуло? — «Америка» тоже разглядывал рану — мизинца как не бывало.

— Танк. Прямое попадание, — мрачно пошутил «Ташкент» и крикнул: — «Веселый», «Карась», ко мне!

Снова ударила вражеская артиллерия. Здание вздрогнуло, закачалось. В коридор вбежали бойцы.

— Парни, тут Серого зацепило. У кого гемостатик? Обработайте рану.

— ...Папа, просыпайся! — Лиза осторожно потрепала по плечу задремавшего на веранде отца. — Медсестра пришла делать укол. Пойдем в дом.

— Да я ведь и не сплю, — старик открыл глаза.

— Не обманывай, — Лиза наклонилась к нему, дотронулась до отцовых ладоней. — У-у, руки совсем холодные! Давай я согрею, — погладила замерзшие пальцы. — Папа... — начала она, в голосе слышалось некоторое смущение.

— А? Ты хочешь что-то сказать? Ну, говори, — старик заглянул в лицо дочери.

— Так... Ничего особенного, — Лиза пожала плечами, — просто ты стонал во сне. Я волновалась...

— Привиделось что-то, — нарочито бодро ответил отец. — Говорю же: я прекрасно себя чувствую. — Он ласково смотрел на дочь, пригладил прядь на ее голове и спохватился: — А где гости? Лешку нашего отпустили с заставы? — вспомнил о внуке.

— Гости уже в доме. Просто мы не хотели беспокоить тебя. А Леша отмарширует на параде и к нам присоединится — никуда не денется, — потом Лиза добавила о муже: — Жаль, Антона не отпустили: дежурство у него. — Она еще раз, словно выискивая признаки плохого самочувствия, всмотрелась в лицо отца.

— Да не беспокойся ты. Все хорошо, — ради шутки старый солдат сделал строгое лицо и по-командирски приказал: — Веди гостей!

— Пап, давай после укола, а? Пойдем в твою комнату, — улыбнулась дочь.

Старик не возражал.

Спустя полчаса Лиза проводила медсестру. К тому времени в доме был накрыт стол, но погода стояла дивная, потому старик попросил начать празднование на свежем воздухе.

Снова началась подготовительная суета. Из роллеты на потолке веранды дочь выдвинула полотно большого сенсорного экрана и настроила трансляцию парада. Затем Лиза вывела на веранду отца, устроила его в любимом кресле, придвинула к нему небольшой стол, на который поставила коробочку с медалью. Еще на пару минут женщина заскочила в дом и вернулась, неся перед собой парадный китель с орденами и медалями. Следом стали выходить гости: родственники, друзья.

Уже шла трансляция парада. На экране появилась главная площадь города Миллиона Роз с памятником Воину-победителю. Полукругом, обозначая границы площади, стояли административные здания с мраморными колоннами, украшенными гирляндами из роз. На парад собралось много горожан. То тут, то там мелькали радостные лица, воздушные шары, государственные флаги. Мимо площади по прилегающей улице катилась боевая техника, слышался лязг гусениц вперемежку со звуками военного марша.

Эти звуки никак не отпускали Березина. К нему подходили гости, поздравляли, чего-то желали, разглядывали новую награду, но он едва слушал людей сквозь тот страшный голос войны. И память вновь подкидывала старику картины из прошлого.

...Гул приближающейся тяжелой техники, страшный грохот, канонада... Танки подошли слишком близко и в упор обстреливали «трешку». Они укрылись метрах в со-

рока, за земляным валом. Время было упущено, и теперь за естественными складками земли ополченцам было не достать вражескую технику даже «мухами».

Артиллерия ополченцев до сих пор молчала. Две бээмпэшки и вражеская пехота, засевавшая в «зеленке», блокировали все подступы к монастырю. Бойцы формирования «Суть времени», спешащие на подмогу к ополченцам, не могли пробиться по обстреливаемой местности. Остальная бригада «Восток», в которую входила «Суть времени», отбивала натиск врага у нового терминала. Наступал переломный момент, и обе стороны понимали это. С позиций врага снова обрушился артобстрел. В полуразвалившейся «трешке» ждали следующей атаки: ополченцы залегли каждый у своей бойницы. Есть среди них и совсем юные... На вид — вчерашние школяры, студенты. В любое мгновение может оборваться их жизнь. Выдержат ли? Будут ли стоять до конца?

«Ташкент» неплохо знал своих ребят, а некоторых — с самого детства. С «Чапаем» — Юрой Синицыным — даже в садик один ходили. Юрка, белобрысый выпускник филфака, без леденцов — ни шагу. Вот и сейчас он открыл коробочку: разноцветные стекляшки монпансье напоминали о мирной жизни. В школе Юрка читал про героя Гражданской войны Чапаева, настолько впечатлился, что взял себе такой позывной. К тому же и война нынче шла та самая — гражданская... Когда вражеский снаряд попал в здание Краеведческого музея, Юркина мама была на работе — там же, в обрушившемся крыле...

Юрка почувствовал на себе взгляд «Америки» и, улыбнувшись, протянул ребятам коробку с леденцами.

«Веселый» на передовой тоже не первый день. Его младшую сестренку убило мины прямо на школьном дворе. Этот не отступит, сдержанный, угрюмый. После гибели сестры никто не видел, как «Веселый» улыбается. Его дом тоже накрыло «Градом» в том самом поселке Веселое, в нескольких километрах отсюда. Потому и позывной такой — «Веселый». Никто не знал его настоящего имени. Сам он был молчалив, говорил редко и только по делу.

У дальней бойницы «Америка» — единственный кадровый военный в отряде, снайпер — наносил очередную засечку на прикладе СВД. Такие воины, как он, стоят десяти! Это он, Березин, учил ребят военным хитростям, благодаря ему те выходили из разных передраг живыми. Когда Сергей Березин появился в «Сути времени», к нему отнеслись с недоверием и даже сторонились. На это была причина: выяснилось, что он пришел с вражеской стороны. Говорили, детство Березин провел в городе Миллиона Роз, потом родители увезли его в столицу некогда единой страны. Ходили слухи, что родные отказались от него, когда он решил перейти на сторону ополченцев. Со временем сослуживцы стали доверять ему, самому опытному в группе.

Артобстрел пошел на убыль и вскоре стих. Снаружи долетал дерганый треск стрелкового оружия из «зеленки».

— Слушай приказ! — «Ташкент» обвел бойцов взглядом. — Рассредоточиться по уцелевшим бойницам. Работать, часто меняя позиции, на всех этажах. Пусть думают, что нас здесь целая рота, — командир, заметив недоумение и даже усмешку на лицах бойцов, выдал кислую улыбку. — Ну, или хотя бы взвод. Тогда появится шанс, что пехота из «зеленки» не поперет, — выиграем время до подхода наших.

— Командир, все одно останемся здесь. Чего нам бегать, как тараканам? Не будет подмоги — вся территория перед «трешкой» как на ладони. — «Ташкент» выхватил взглядом сказавшего это бойца: на усталом лице «Караса» обреченность.

«Неужели конец?..» — пронеслось в голове «Ташкента». Ему показалось, что в следующее мгновение эта мысль пришла всем бойцам.

— Эх, не видать нам Америки! — привычно выдал свою козырную фразу «Америка». — Не хотел я вам говорить... На той стороне однополчане мои из шестьдесят третьей. Вижу их командира. Сейчас пойдут на нас.

Празднование завершилось, гости разошлись по домам несколько часов назад.

Вечерело. Огненный шар светила клонился на запад. Оно еще ласкало весенним теплом, но в воздухе угадывалось: вот-вот потянет колючей прохладой.

Старый солдат Сергей Березин наблюдал, как из-за реки, с полей, плывут молочнокисельные рукава тумана. Казалось, время остановило ход, и только туман, искажая реальность, преображал пространство. Скоро он подкрался к залитой электрическим светом веранде.

Старик чувствовал, даже знал: сегодня должно что-то произойти — непременно хорошее, радостное. С таким предчувствием он проснулся утром. Березин был знаком с этим удивительным ощущением с детских лет: оно возникает само собой, как будто из ниоткуда, и неважно, идет ли за окном серый дождь или сияет весеннее солнце.

— Папа, гости разъехались, надо ложиться спать. Уже холодает. — На веранде раздали шаги дочери Лизы.

— А ты накрой меня пледом. Я еще побуду немного здесь, — ответил отец.

— Вот так всегда, — шутливо, как ребенка, его укоряла дочь. — Еще пять минут — и спать! — затем добавила: — А плед я, конечно, из дома захватила, папочка. Знаю ведь тебя... — она укрыла отца. Лиза пошла в дом, но у самой двери обернулась: — Слышишь, пять минут! — и погрозила пальцем. Она шагнула на порог, но отчего-то задержалась в дверном проеме, опять обернулась: — Папа... Пап, все хорошо?

В кресле-качалке неподвижно сидел отец.

— Пять минут, — ответил он, стараясь говорить бодро.

Лиза тряхнула головой, будто отделяясь от дурной мысли, зашла в дом, но снова задержалась, наблюдая за отцом через стеклянную дверь. Размеренное покачивание кресла развеяло в женщине тревогу, и Лиза направилась в глубь дома.

Снова на веранде раздался шум. Или это чьи-то шаги?..

— Время еще не истекло, — сказал старик, думая, что дочь вернулась.

— Странная штука — время... Правда, Береза? — ответили ему.

Этот голос с легкой картавостью он узнал бы из тысячи других, хоть не слышал его многие десятки лет.

— Мишка, ты живой?.. — Холодный озноб пробежал по телу Березина, когда со двора из пелены тумана на веранду поднялся давний знакомый.

На нем полевая форма старого образца; точно такая же была и у него, Сергея Березина, в довоенное время — лейтенанта шестьдесят третьей стрелковой.

Мишка, разудалый друг Мишка! Все тот же открытый взгляд серых глаз, высокий лоб, насмешливая улыбка. Тогда ему было двадцать пять. Время не тронуло его.

— Ты на курсе был самым метким, — сказал Мишка, — я сразу понял, что это была твоя пуля. Знаю, Кешу и Юрása ты уложил в том бою.

В Мишкином голосе не было упрека, он говорил так, словно они с Березой давние друзья и встретились вспомнить минувшее.

Старик кивнул, затем, будто сбрасывая навязчивое прошлое, тряхнул головой. Глаза его с замутненными райками увлажнились, он посмотрел на друга, подбородок мелко затрясся, но сумел совладать с накотившимися эмоциями. Теперь взгляд его стал ясным.

— Как ты догадался, что это именно я? — с вызовом в голосе прервал молчание он.

Мишка прошел внутрь веранды, встал, прислонившись к перилам, — так, чтобы получше разглядеть постаревшего друга. Туман сгущался. Мишка, как будто играясь, тронул ладонью молочный сгусток — тот чудесным образом рассеялся.

— Мы пытались перехватить ваши переговоры, но до нас дошли лишь пустые обрывки. — Мишка говорил безразлично, как будто не придавал сказанному особого значения. — Когда после Кеши упал Юрас, я почему-то подумал о тебе, потом случайно по радию услышал позывной «Америка». Тогда меня осенило: это ты. Все на курсе знали твою козырную фразу. Даже размечтался, что встретимся с тобой, — Мишка криво усмехнулся, исподлобья посмотрел на старика.

— Но прежде тебе или кому-нибудь другому пришлось бы убить меня, — мрачно ответил Березин.

— Меня все время мучил вопрос: почему ты перешел к ополченцам? — равнодушно обронил Мишка.

— Армия не должна стрелять в свой народ! — «Америка» в упор посмотрел на друга и по воле судьбы — врага.

Мишка выдержал тот тяжелый взгляд. Продолжил:

— И последний вопрос. Ты сразу понял, что в перекрестии прицела я, или это случилось после?

— Сразу. — Березин всегда был честен. — Старик не отвел глаз от Мишки, сжал синюшные губы. Он знал, каким будет следующий вопрос и, не дожидаясь его, добавил: — Иначе ты убил бы того парня.

— Но он пришел за нашими жизнями, — Мишка скрестил руки на груди.

— Он пришел к нам на помощь, — был ответ Березина.

...С новой силой оживил «зеленка», но теперь пули не устремлялись в проемы бойниц. Стрельба поднялась неистовая, усилился минометный обстрел.

— «Америка», глянь, что там происходит! Может, наши на прорыв пошли? — в голосе «Ташкента» тревога и надежда.

Березин прильнул к оптике.

— Это надо видеть, парни!.. — только и смог воскликнуть он.

Ополченцы как один кинулись к амбразурам в стене, через которые контролировали подступы и дорогу, ведущую к монастырю. Да, на это стоило посмотреть даже под шквальным огнем! По брусчатке в полный рост, не кланяясь пулям, не пытаясь увернуться от них, шел молодой ополченец. Вокруг падали мины, усеивая все вокруг смертоносным металлом, а неуязвимый солдат берцами вдавливал осколки в крошку разбитого камня. Казалось, невидимый покров спустился на защитника храма с обгоревшего креста на скелете луковки, чернеющей в задымленном небе.

— Это же «Белка» с увольнительной идет! — сказал кто-то, и бойцы недоумевающе переглянулись. — Он что, с ума сошел — убьют же!

Ополченцы, не дожидаясь приказа, ударили со всех стволов по «зеленке». В ответ часто застучал свинцовый дождь по мешкам с песком у амбразур.

— Пятьдесят два, пятьдесят три... — шептали губы «Америки», отсчитывая каждый шаг «Белки».

Вдруг в «зеленке» Березин заметил снайпера, залегшего на изготовку: делал он это суетливо и поэтому, казалось, неумело — будто сам нарочно под выстрел подставлялся. В перекрестие прицела «Америки» попало лицо противника: он сразу узнал своего давнего знакомого. Огонь! Враг, вздрогнув, взглянул в направлении выстрела и как будто узнал того, чья пуля его убила, затем улыбнулся привычно, как другу, и в следующее мгновение умер. «Америка» отпрянул от бойницы, перевернулся на спину, закрыл глаза.

— Чертяка! Что он творит?! Дошел-таки! — через шум боя услышал Березин.

В этих словах были удивление и радость. На глазах у всех — и с той, и с этой стороны — ополченец совершил чудо! «Белка» сделал невозможное! Врагам он показал не-

уязвимость, а значит, правда на стороне защитников монастыря да всего города Миллиона Роз. Своим товарищам он вернул веру в себя, в их правое дело. У обвалившихся ворот монастыря «Белка» принял бой. Его ПКМ⁷ смолк, когда снаряды посыпались один за другим на позицию «Белки». Потом шел долгий ожесточенный бой. Смертельно раненный «Ташкент» до последнего вздоха руководил защитой «трешки»: в «зеленке» догорала подбитая им БМП, когда под завалом стены погиб «Веселый».

Ближе к полуночи противник, понесший большие потери в технике и живой силе, отступил. Потом была радость встречи ополченцев со своими. А еще — за братьев, не чокаясь...

Тело «Чапая» не нашли. В «зеленке» лежали обгоревшие лоскуты униформы и оплавившаяся банка монпансье. Их и похоронили рядом с «Белкой», «Ташкентом» и «Веселым».

Плотный туман проник на открытую веранду.

— Пришло твое время, «Америка», — Мишка широко улыбнулся и протянул Березину руку.

— «Америки» давно нет. Его не стало много лет назад. Он остался там, в монастыре, где лежат его друзья и ты, Мишка, тоже, — говорил старик.

Вздыхнул, будто выдыхая тяжесть прожитых лет, — теперь Березин дышал легко и ровно. Он смотрел на Мишку и знал: ничто не могло разрушить их дружбу. Старик скинул груз прошлого и даже как будто расправил плечи, насколько это было возможно сделать в кресле-качалке. Свобода, легкость наполняли его: никаких сожалений, упреков — только радость от встречи.

Березин в ответ протянул руку Мишке, и они оба — невесомые — сквозь туман взмыли в небо. Сверху Березин увидел любимый город Миллиона Роз. Чернеющая лента реки отделяла его от терриконов с вышками шахт. Подсвеченные редкими огоньками, они казались сказочными гигантами, охраняющими подступы к городу, а сам он светился огоньками от кафе, ресторанчиков под открытым небом, огромного стадиона в виде чаши, фонарей в парках.

Мишка и Березин еще раз пролетели над домом, разбуженным тревожными всполохами маячков «скорой помощи». Во дворе стояли люди с носилками, чемоданчиками, Лиза у ступенек веранды куталась в шаль. Но больше Березина здесь ничто не держало...

Они с Мишкой летели дальше над раскинувшейся степью. Ветреную мартовскую ночь по волшебству сменил солнечный теплый день. Воздух, наполненный ароматом весенних цветов, стал влажным и солоноватым. Впереди заблестела полоска воды.

— Куда мы, Мишка? — молчание нарушил Березин.

— Туда, где все примирились, Серый, — был ему ответ.

Теперь перед ними раскинулось бескрайнее море, в бухте, окаймленной золотом песка, плескались люди, одетые в белые одежды.

— Америка! Вот мы и увидели Америку! — закинув голову к небу, кричал «Ташкент».

Рядом с ним был «Чапай» — улыбаясь, он протягивал вверх коробочку с монпансье. Тут же стояли Кеша, Юрас и «Белка» и звали присоединиться к ним.

⁷ ПКМ — пулемет Калашникова модернизированный.

АНГЕЛ

1

Вадик сложил руки на худеньких коленках так, чтобы они лежали «правильно» — ровно, одна к другой, и отсутствующим взглядом уставился в одну точку. Замерев, он сидел на стуле рядом с белым столом, на котором высилась стопка из пухлых медицинских карточек.

Доктор в тщательно выглаженном белом халате, выбрав нужную, уже в который раз бегло пролистывал пожелтевшие страницы. Именно она, та карточка, приковала к себе все внимание мальчика. Вадика было привычнее и даже спокойнее, когда вещи лежали строго на своих местах. Прямо сейчас хотелось ему одного: чтобы медкарта вернулась на свое прежнее место — именно так было, когда он вошел в кабинет.

Глядя на мальчика со стороны, можно было подумать, что он о чем-то задумался — так глубоко ушел в себя, что не видит и не слышит ничего вокруг. Ну, или просто уснул — ведь бывает, когда люди спят с открытыми глазами.

На самом деле Вадик не спал, он все видел и слышал, может, даже получше самого доктора. Мальчик давно заметил, что взрослые — и врачи в этих ослепительно-белых халатах, и даже мама — не замечают того, что видит и слышит он сам.

— ...Где же я найду для него дельфинов?! — с горечью вздохнула молодая женщина.

Она с нежностью погладила сына по голове, ее пальцы нервно подрагивали. От этого прикосновения Вадика как током ударило, дрожь пробежала по его телу. Это было так неприятно, что он чуть не вскрикнул, но мама, почуяв, что сын сжался от напряжения, сразу отдернула ладонь.

— Сейчас март, совсем скоро лето. Вы поезжайте в Харьков... или в Кры-ым... — доктор как будто хотел продолжить, но осекся и, смутившись, поправил очки на переносице. — Хотя вот, знаете, в Киеве тоже отличный дельфинарий, — уже увереннее добавил он, глядя куда-то в сторону двери.

В этих словах доктора сквозило равнодушие: посетители уже отняли у него немало времени, отвлекая от важных повседневных дел.

Взгляд Вадика теперь был прикован к длинным ухоженным пальцам доктора, в которых он крутил шариковую ручку, то пристукивая ею по столу, то выкручивая колпачок.

— Да какой там Харьков!.. — с горечью возразила мама. — Там сейчас неизвестно что. Сами видите, что творится... Майданы да беспорядки! До нас ли сейчас дельфинариям!.. — в глазах ее читалась растерянность.

Доктор в который раз коротко взглянул в раскрытую карту — уточнил для себя имя-отчество мамы.

— Светлана Борисовна, — он старался говорить мягко, вкрадчиво, — Вадика всего пять лет. А дети с такими нарушениями могут начать говорить и к шести годам, случается, что сразу целыми предложениями.

— Да, я знаю, — тихо ответила она и засобиралась, понимая, что большего ей уже не скажут.

Светлана Борисовна поблагодарила доктора и вынула из затертого полиэтиленового пакета коробку конфет. Изобразив легкое смущение, он невнятно пробормотал, мол, не надо было, но, кинув взгляд на дверь, шустро отправил коробку в ящик стола. Мысленно ставя для себя точку в решении очередного вопроса на сегодня, доктор закрыл медкарту и положил ее верхней в общую стопку.

Вадик с удовлетворением отметил это: теперь все на месте, как и было.

Наклонившись к нему, мама поймала его взгляд и четко, тщательно артикулируя и разделяя слова, сказала:

— Вставай, сынок. Нам домой пора.

Доктор всегда старался завершить консультацию на позитивной ноте, а потому ради соблюдения формальностей добавил, когда посетители были уже на пороге:

— Не отчаивайтесь, мамочка. Аутизм — это не заболевание. Многие еще можно исправить. Следуйте рекомендациям, что я давал ранее.

Светлана обернулась и кивнула.

— Я им следую, — не умея скрыть разочарования, ответила она.

2

Мама Вадика многого не знала. Это неправда, что он не умел говорить. Сын просто любил молчать. Лишние звуки отвлекали его от главного — они мешали ему правильно ориентироваться в пространстве. Вместе со внешними звуками, врывающимися в его мир, что-то важное как будто утрачивалось, терялось, исчезало из поля зрения, лишая его покоя и уверенности.

На самом деле и собеседник у Вадика был. Они познакомились еще прошлым летом. В тот раз мама отлучилась на кухню, ненадолго оставив его одного в детской. Она знала, что Вадика комфортно в своей комнате: здесь всегда поддерживался строгий порядок — каждая вещь лежала на своем месте, к тому же на стенах висели особые рисунки, которые подсказывали мальчику, для чего нужна та или иная вещь.

Вадик знал, что за оконной рамой есть и другая картина. Как очередной рисунок он воспринимал уличную жизнь. Едва мама вышла из детской, мальчик забрался на стул, а с него — на подоконник, откуда мог часами наблюдать за тем, что происходит на улице. Но больше всего ему нравилось смотреть на клумбы с пышными розами, разбитые вдоль тротуара. Из своего окна на четвертом этаже Вадик видел, как иногда за цветами ухаживают люди в желтых жилетах, — наверное, они тоже любили розы. Мальчик мечтал, что, когда вырастет, наденет такой же желтый жилет и будет поливать эти клумбы.

В городе, где они жили, росло много роз самых разных оттенков. Мама рассказывала Вадика, что их целый миллион, а может, и больше. Но считать сын еще не умел, так что проверить не мог, хотя и без того было понятно: роз в их городе бесчисленное количество. Розами украшали улицы, скверы, парки.

Забравшись на подоконник, Вадик недолго постоял, зачарованно глядя на улицу. Рука его потянулась к оконной ручке. Мальчик надавил на нее и повернул. Оказалось, мама забыла поставить защитную блокировку. Вадик потянул на себя створку окна, впуская в комнату летний зной и запахи улицы. Чтобы получше разглядеть, что внизу, Вадик уселся на подоконнике, свесив ноги наружу. Внизу благоухали розы, двигались фигурки людей, и мальчик с любопытством наклонил голову. В какой-то миг его стало тянуть вниз, он попытался удержаться на подоконнике, неловко двинулся, почувствовал, что теряет под собой опору. Еще немного — и он бы сорвался с высоты, но вдруг чья-то рука мягко, крепко придержала его. Мальчик обернулся: мамы рядом не было. Его спаситель появился будто из воздуха.

На самом деле он и раньше всегда был рядом, но лишь теперь у Вадика появился дар видеть ангела. Мальчик это знал точно: похожий ангел, только совсем маленький, среди прочих игрушек висел у них на праздничной елке прошлой зимой. Мама тогда сказала, что этот ангелочек может выполнить любое желание, и Вадик загадал, чтобы к ним вернулся папа. Мама почти не рассказывала сыну про его отца, она

становилась печальной, когда взгляд ее падал на портрет, стоявший на трюмо в рамочке. Угол его перечеркивала черная лента.

На вид ангелу было столько же лет, сколько Вадику. Он ничем не отличался от обычных мальчишек, каких Вадик встречал на улице: на нем были обыкновенная футболка, шорты и только два белоснежных крыла за спиной отличали его от других ребят.

Теперь ангел сидел рядом с мальчиком на подоконнике и беззаботно болтал босыми ногами — в точности как это любил делать Вадик.

— Ты прилетел исполнить мое желание? — первым спросил его он, обрадованный встречей.

И ангел нисколько не удивился, что тот может говорить.

— Я не могу исполнить твое желание. Я прилетел, чтобы уберечь тебя, — просто, словно старому знакомому, ответил ангел.

— Значит, я никогда не увижу папу? — Вадик вмиг расстроился. Это было так несправедливо, ведь все сверстники в округе жили с мамами и папами.

— Увидишь, — ободряюще улыбнулся, ответил ангел, — только не сейчас.

Дверь в комнату неслышно приоткрылась, мама вошла внутрь. Увидев сына на подоконнике, она, испуганная, подскочила к нему и обняла за плечи. Мама разволновалась так, что и не заметила, что Вадик был не один.

Когда мальчик слез с окна, мама крепко-крепко прижала его к себе и заплакала, то и дело вздрагивая всем телом. А незримый ангел сидел напротив и светло улыбался.

Мама сделала все, чтобы Вадик больше не сумел сам распахнуть окно, но никакие запоры не могли препятствовать ангелу прилетать к Вадику. Он проникал внутрь через закрытое окно, совсем скоро они с Вадиком стали лучшими друзьями.

Ангел подолгу разговаривал с мальчиком, порой рассказывал об удивительных и даже странных вещах. Например, о далеких прекрасных мирах, откуда он являлся. Там нет места злобе и несправедливости, утверждал ангел. В том мире всегда синее небо, расцвеченное радугой, там всегда с ним его самые близкие: мама, папа, бабушка и дедушка. Еще ангел сказал, что у него есть старшая сестра, но она почему-то редко приходит к ним. Наверное, потому, что черным ангелам нельзя жить в их мире.

— А почему она черный ангел, а не белый, как ты и твои родители? — поинтересовался Вадик. Он всегда внимательно слушал своего друга и был рад каждой его истории.

Ангел умолк, его лицо стало задумчивым, наконец он ответил:

— Когда-то здесь, в этом городе, была война. Сестренка не вынесла горя и посланных ей испытаний — она лишила себя жизни.

— А что такое война? Ты расскажешь мне про испытания? И как это — лишиться себя жизни? — забросал вопросами Вадик и удивился смене настроения своего друга: никогда он не видел ангела таким печальным.

Ангел молчал. Лицо его стало серьезным, совсем как у взрослых.

— Не сейчас. Еще не пришло время, но скоро ты обо всем узнаешь, — сказал он и растворился в воздухе.

3

Прошло много месяцев. Ангел не появлялся. Вадик даже волновался, что обидел нового друга своими расспросами. Мальчик не знал, как теперь ему поступить. Если бы мама подсказала, как вернуть друга!.. Но спросить ее об этом Вадик не решался.

Тем мартовским днем они возвращались домой после поликлиники, где их консультировал доктор. Высоко в небе, прямо над головой, Вадику улыбалось яркое солнышко. Казалось, после зимних холодов оно вдохнуло жизнь на улицы города Мил-

лиона Роз. На кряжистом тополе о чем-то звонко скандалила стайка воробьев. Старая ворона, сидящая по соседству, устав слушать их перебранку, сварливо каркнула и, слетев с тополиной ветки, перебралась на соседнее дерево. Улица шумела весенней капелью, шелестом шин, голосами людей. Окна домов сверкали умытыми дождем стеклами, кое-где еще лежали холмики грязного рыхлого снега.

По дороге ехала уборочная машина, под ее «брюхом» вращалась щетка-барабан — она смахивала остатки ледяной крошки на обочину. В воздухе уже чувствовалось весеннее оживление. Еще немного, вот-вот — и природа задышит полной грудью.

Вадик шел по улице и радовался погоде, предвкушая настоящее тепло. Он смотрел на высокое небо, улыбался солнцу. И вдруг заметил ангелов. Они появились из ниоткуда, будто по мановению волшебной палочки. Их было неисчислимо много. Встретившимся ульем они неслись над улицей. Их белоснежные крылья, переливаясь в лучах мартовского солнца, мелькали повсюду — они залетали в окна домов, опускались на тротуары. От одной такой стайки отделился ангел Вадика. Мальчик сразу узнал его и был очень рад снова увидеть своего друга. Ангел был чем-то встревожен, он как будто хотел что-то сказать Вадике.

— Здравствуй, ангел! — первым выкрикнул мальчик. — Мама, смотри — там ангел!

Сын хотел, чтобы мама непременно увидела его друга, но вместо этого она схватила Вадика на руки, крепко прижала к себе, заглянула в его лицо и расплакалась:

— Что ты сказал, сынок? — взволнованно шептала она. — Повтори, что ты сказал!!! — уже громче воскликнула мама. — Это ты мой ангел, сынок!

Вокруг творилось что-то странное, невообразимое. Сначала содрогнулся воздух, затем ударило удушливым жаром, следом накрыло пронзительным воющим звуком. Вадик почувствовал, что какая-то сила толкнула маму в спину; еще секунду она держалась на ногах, затем, не выпуская сына из рук, упала навзничь. В последний момент матери все же удалось повернуться на бок, прикрыв собой Вадика от неведомой злой силы, что отобрала жизнь ее самой, а теперь грозит и ему.

Вадик лежал, уткнувшись лицом в грязный снег. Наконец ему удалось чуть повернуть голову, и он увидел, как вздымается кверху земля и черные комья вперемешку с кусками асфальта падают на тротуар. Окрестные дома вздрагивали и сыпали разбитым стеклом из окон. Вокруг лежали люди, кровь... Вадик видел, как чья-то злобная невидимая рука легко раскидывает тяжелые машины, корежит металл.

С новой силой застучал по асфальту дождь из железных осколков. И ангелы, прикрывая своими крыльями людей, незримо падали на асфальт.

Вадик высвободился из-под тяжести материнского тела и перевернулся на спину: теперь он заметил, что и его накрыл крыльями ангел.

— Что это, ангел?! — пересилив в себе ужас от происходящего, вымолвил Вадик.

— Война! — ответил тот и чуть слышно добавил: — А ты живи! Слышишь, пожалуйста, живи!

Чуть позже взрывы прекратились. Стихло. Казалось, страх, невыносимый, тошнотворный, парализовал улицу оглушенного города Миллиона Роз. Наконец в округе стали различимы стоны раненых. На дороге перевернутая уборочная машина беспомощно скрежетала, вращая щеткой.

До этого дня Вадике никогда не было так страшно. Он с трудом поднялся с холодного асфальта. Вокруг зашевелились и другие люди — те, кто выжил. А ангелы, побитые, истерзанные смертоносным металлом, так и остались лежать, распластав крылья.